

УДК 141.112

**ЧЕТЫРЕХМЕРНАЯ ОНТОЛОГИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ
И ЕДИНСТВО ПЕРЕЖИВАЮЩЕГО СУБЪЕКТА**

И. Г. Гаспаров

*Воронежский государственный медицинский университет
имени Н. Н. Бурденко*

Поступила в редакцию 10 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается концепция тождества личности, предложенная Дэвидом Льюисом в качестве ответа на аргумент Парфита, с точки зрения ее соответствия принципу Мура, согласно которому при прочих равных условиях следует отдавать предпочтение тем суждениям, которые лучше сочетаются со «здравым смыслом». Автор делает вывод о том, что предложенное Льюисом решение проблемы, вопреки его собственному заявлению, нарушает принцип Мура, поскольку предполагает представление о переживающем субъекте, радикально отличное от того, которое предполагается нашими обыденными представлениями и феноменальным опытом.

Ключевые слова: тождество личности, Д. Льюис, Д. Парфит.

Abstract: author of the article consider David Lewis' account of personal identity, he provided as answer to Parfit's argument, from the standpoint of Moorean principle according to which *ceteris paribus* we have to prefer statements that fit better to the common sense. And I conclude that despite of his own claim Lewis violated the Moorean principle as his account of personal identity is radically different from our ordinary picture what it is like to be a subject of experience.

Key words: personal identity, D. Lewis, D. Parfit.

Что для нас является наиболее важным, когда мы оказываемся в ситуации, угрожающей, казалось бы, положить конец самому нашему существованию? Представьте, что некто оказывается перед выбором: отправиться ли на Марс с помощью телетранспортера или отказаться от подобного путешествия. Телетранспортер работает так: полная информация о всех физических и ментальных свойствах и особенностях человека сканируется и мгновенно отправляется в нужное место, где она материализуется в виде абсолютно точной психофизической копии первоначального лица. При этом на Земле исходный экземпляр уничтожается. Если бы всё прошло, как задумано, и в результате работы телетранспортера осталось бы одно единственное лицо, психика и физический облик которого были бы максимально подобны первоначальным, как если бы человек просто пробудился после короткого засыпания, иногда случающегося в повседневной рутине, то очень многие люди, в том числе

и некоторые известные философы, сказали бы, что путешествие посредством телетранспортера является весьма привлекательным способом передвижения в пространстве. Ведь оно позволило бы нам сэкономить как время, так и иные ресурсы. Но что, если бы телетранспортер сработал не до конца и не уничтожил бы оставшегося на Земле человека? Или вместо одного-единственного дубликата сделал бы две или более совершенно одинаковые копии, наподобие вышедшего из-под контроля принтера? Разве не было бы это в большей степени похоже на смерть или уничтожение исходного лица, чем на удобный способ передвигаться по Вселенной? Воображаемые истории, похожие на вышеописанную, в философской литературе получили название «случаев деления» и широко обсуждаются в контексте проблемы «тождества личности»¹. Целью настоящей статьи является изложение и критический анализ позиции одного из самых влиятельных мыслителей второй половины XX в., Дэвида Льюиса (1941–2001) в части, касающейся решения проблемы тождества личности.

Аргумент Парфита и ответ Льюиса

В знаменитой книге «Лица и доводъ» Парфит излагает аргумент в пользу того, что две наши излюбленные идеи, а именно идея нашего тождества во времени и идея того, что это тождество состоит в непрерывности и связанности между нашими психологическими состояниями, несовместимы [1]. В качестве причины этой несовместимости он называет формальное несовпадение отношения тождества и отношения психологической непрерывности и связанности, поскольку первое необходимым образом есть отношение один к одному и не допускает степени, тогда как второе может оказаться отношением одного к многим, или многих к одному, а также допускает степень. Например, если предположить, что перемещение посредством телетранспортера действительно сохраняет мою психологию в степени, достаточной для того, чтобы цепочка моих психических состояний до перемещения была надлежащим образом связана с теми психическими состояниями, которые имеют место после перемещения, то очевидно, что в случае если бы телетранспортер по ошибке создал два дубликата вместо одного, то каждый из них в равной степени находился бы ко мне в отношении психологической непрерывности и связанности. И было бы столь же очевидно, что два вновь получившихся дубликата не были бы мне тождественны, поскольку два лица, существующих одновременно, не могут быть тождественны по числу одному, существовавшему ранее. Таким образом, мысленный эксперимент с телепортацией, по мнению Парфита, наглядно показывает, что

¹ Литература по этому вопросу поистине безбрежна, поэтому невозможно дать даже краткий обзор наиболее значимых работ по этой теме, выходящих за последние полвека. Тем не менее в качестве наиболее дискутируемой и фундаментальной монографии можно было бы указать книгу Дерек Парфита «Лица и доводъ» [1]. В то же время публикации на русском языке по этой проблеме можно пересчитать по пальцам одной руки [2–4].

возможны случаи, когда отношение психологической непрерывности и связанности между психологическими состояниями радикально расходится с отношением тождества. Отсюда он делает вывод, что психологическая непрерывность и связанность ментальных состояний не способны гарантировать тождество личности. Таким образом, ради того, чтобы остаться последовательными и рациональными в своих убеждениях, мы вынуждены выбирать между привычными нам идеями. Сам Парфит делает выбор в пользу ментальной непрерывности и связанности, предпочитая продолжение ментальной жизни даже ценой возможной потери тождества *своей* личности в будущем. Другими словами, когда мы пытаемся рационально думать о будущем, то, по его мнению, главный акцент следует делать на том, будет ли в этом будущем существовать наш психологический продолжатель, т. е. лицо, психологически мне достаточно подобное, способное к реализации наших сегодняшних планов и намерений, а не на том, будет ли в этом будущем существовать лицо, в буквальном смысле тождественное мне. Моя психологическая непрерывность и связанность важнее моего выживания в буквальном смысле. Таков итог размышлений Парфита о природе тождества, психологической непрерывности и связанности в свете некоторых мысленных экспериментов.

В статье «Выживание и тождество» Дэвид Льюис [5] пытается дать ответ на вызов, брошенный Парфитом нашему обыденному представлению о тождестве и месте психологической непрерывности и связанности в выживании. Главный тезис Льюиса заключается в том, что, вопреки тому, что утверждает Парфит, у нас нет необходимости выбирать между тождеством и отношением психологической непрерывности и связанности, так как, несмотря на их формальное несовпадение их свойств, эти отношения могут вполне мирно уживаться друг с другом. Решение, предлагаемое Льюисом, состоит в том, что, с одной стороны, Парфит ошибается, сравнивая формальный характер отношения психологической непрерывности и связанности с формальным характером тождества как такового. Да, действительно, эти два отношения обладают различными свойствами, но в этом нет абсолютно ничего удивительного, так как это два различных отношения, имеющих место между различными релятами. Отношение тождества – это отношение личности к самой себе, а отношение психологической связанности и непрерывности – это отношение между психологическим состоянием некой личности в один момент времени и психологическим состоянием некой личности в другой момент времени. По этой причине сравнение формального характера отношения психологической непрерывности и связанности с формальным характером тождества, на которое опирается Парфит в своей аргументации, неверно. Сравнить же, по мнению Льюиса, отношение психологической непрерывности и связанности надлежит не с тождеством, а с производным от него отношением принадлежности, которое он называет *I*-отношением. В наиболее общем смысле, *I*-отношение имеет место там, где некая пара ментальных состояний принадлежит одной лично-

сти. Максимальная совокупность состояний личности, связанных между собой I -отношением, и составят единую продолжающуюся личность, которая находится в отношении тождества к самой себе, при условии, если она не является собственной частью некоей бóльшей совокупности психологических состояний, связанных I -отношением.

С другой стороны, в основе льюисовского решения лежит четырехмерная онтология. С точки зрения четырехмерной онтологии, каждый объект, существующий более, чем в один единственный момент времени, продолжается во времени благодаря тому, что имеет временную часть в каждый из моментов времени, в которые он существует. Таким образом, любой продолжающийся во времени объект представляет собой максимальную совокупность своих временных частей. Под временной, или темпоральной частью объекта понимается максимальная совокупность пространственных частей объекта, которыми он обладает в определенный момент времени. Например, если письменный стол существует в течение определенного промежутка времени T и если два нетождественных момента времени t_1 и t_2 принадлежат T , то все пространственные части, которыми письменный стол обладает в t_1 , составляют одну его временную часть, а все пространственные части, которыми письменный стол обладает в t_2 , – другую. Весь же стол целиком тождествен сумме всех своих временных частей, которые существуют в каждый из моментов времени, принадлежащих T . Очевидно, что каждая временная часть письменного стола является объектом, нумерически отличным, как от самого стола в целом, так и от каждой из остальных составляющих этот стол временных частей в отдельности.

Аналогичную онтологию Льюис считает возможным применить и к человеческим личностям. Каждую из временных частей личности он обозначает как личность-стадию, а максимальный агрегат таких личностей-стадий, находящихся между собой в отношении психологической непрерывности и связанности – личностью-континуантой [5, с. 60]. Таким образом, говоря о тождестве личности, мы должны различать личность как таковую и ее отдельные временные части. Личность как таковая, или существующая в течение некоторого промежутка времени T личность-континуанта P , состоит из более или менее мгновенных временных частей, личностей-стадий p_1, p_2, \dots, p_n , связанных между собой специальным психологическим отношением. При этом в отношении тождества P находится только и исключительно к самой себе, но никак не к p_1, p_2, \dots, p_n , между которыми имеет место только производное от тождества I -отношение. С точки зрения Льюиса, именно отношение психологической непрерывности и связанности представляет тот информативный критерий, который позволяет однозначно установить, какие личности-стадии являются частями личности-континуанты. Для любой пары личностей-стадий, которые связаны между собой отношением психологической непрерывности и связанности, оказывается верно, что они находятся между собой в I -отношении. Таким образом, отношение пси-

хологической непрерывности и связанности дает нам I -отношение, что и позволяет рассматривать его в качестве информативного критерия для определения тождества личности-континуанты. Соответственно, максимальная последовательность личностей-стадий, связанных отношением психологической непрерывности и связанности, даст нам максимальную совокупность личностей-стадий, связанных между собой I -отношением, и каждая из таких совокупностей будет тождественна уникальной личности-континуанте. По мнению Льюиса, это работает не только для обычных ситуаций, но для проблемных случаев, но только если принадлежность одной личности-стадии не означает принадлежности только одной-единственной личности-континуанте [5, с. 60]. Другими словами, одна-единственная личность-стадия может быть временной частью более, чем одной личности-континуанты.

Рассмотрим в качестве иллюстрации случай деления, подобный тому, что был описан выше. Предположим, что в t_1 я, т. е. моя личность-стадия, p_1 , существующая в t_1 , – вошел в телетранспортер. В результате технической неисправности в работе этого устройства в t_2 возникли две нетождественные личности-стадии, p_2 и p_{2^*} , в равной степени связанные с p_1 отношением психологической непрерывности и связанности. В этом случае, с точки зрения Льюиса, верно, что для каждой пары $\langle p_1, p_2 \rangle$ и $\langle p_1, p_{2^*} \rangle$ существует две нетождественные личности, P и P^* , такие, что p_1 и p_2 суть временные части P , а p_1 и p_{2^*} суть временные части P^* . Таким образом, одна и та же личность-стадия, p_1 , является временной частью как P , так и P^* , несмотря на то что P и P^* – это две различные личности-континуанты.

Таким образом, одним из важнейших оснований льюисовского решения проблемы тождества личности является четырехмерная онтология человеческих личностей, предполагающая как возможность совместного обладания несколькими личностями-континуантами одной-единственной личностью-стадией, так и то, что в каждый момент своего существования я являюсь субъектом своих ментальных состояний только в силу того, что они переживаются моими временными частями. В оставшейся части статьи хотелось бы остановиться подробнее на том, насколько оправданны подобные допущения и к каким изменениям в нашем понимании природы человеческих личностей они могло бы привести.

Принцип Мура и его роль в аргументе Льюиса

В своей дальнейшей аргументации будем исходить из того, что Льюис принимает что-то наподобие того, что Питер Саймонс называет «принципом Мура» [6, с. 177]. Этот принцип, названный по имени знаменитого защитника реализма и «здорового смысла» кэмбриджского философа Джорджа Мура, можно сформулировать следующим образом. При прочих равных условиях из двух теорий следует выбирать ту, которая лучше согласуется со здравым смыслом. В качестве подтверждения того, что Льюис также вполне мог бы подписаться под данным принципом, можно привести следующую цитату из его статьи. Комментируя поставленную

Парфитом проблему, что имеет значение при выживании, Льюис пишет [5, с. 56]:

«Один вопрос, два ответа! Интересный ответ, убедительный для меня после некоторого размышления, но далекий от того, чтобы быть очевидным: то, что имеет значение при выживании, – это психологическая связанность и непрерывность между моим настоящим психическим состоянием и другими психическими состояниями, которые последуют за ним в будущем. И принудительный ответ здравого смысла, бесполезная банальность, которую невозможно сколько-нибудь оправданно отрицать: то, что имеет значение при выживании, – это тождество между мною, который существует сейчас, и мною, который будет существовать в будущем.

Если бы эти два ответа не согласовывались между собой, и мы были бы вынуждены выбирать между ними, то я предполагаю, что мы должны были бы предпочесть банальность здравого смысла философски интересному тезису. В противном случае было бы трудно верить собственной философии! В таком случае единственная надежда для первого ответа заключается в том, чтобы показать, что нам нет нужды выбирать: оба ответа совместимы и оба верны».

Саймонс ссылается на принцип Мура в контексте полемики против четырехмерной онтологии как таковой. Здесь же в целях аргумента будем полагать, что четырехмерная онтология является достаточно невинной по отношению к данному принципу и может описывать существование материальных не-переживающих объектов во времени не хуже, чем ее трехмерная соперница. Однако решение Льюиса предполагает истинность того, что одно и то же психическое состояние может принадлежать одновременно нескольким личностям. Более того, применение четырехмерной онтологии к человеческим личностям влечет за собой то, что в любой момент времени, безотносительно случаев деления или слияния, когда некая личность-континуанта P переживает субъективное психическое состояние s , она делает исключительно благодаря тому, что s переживается некой отличной от нее личностью-стадией p , которая является временной частью P . На наш взгляд, теория тождества личности, влекущая такое положение, менее убедительна, чем теория, предпочитающая отбросить либо тождество личности, либо отношение психологической непрерывности и связанности.

Против льюисовской концепции тождества личности можно было бы сформулировать следующий аргумент:

(1) Если концепция Льюиса верна, то, мысля в t , я мыслю только благодаря тому, что в t мыслит одна из моих временных частей, которая существует в t и не тождественна мне.

Однако:

(2) Невозможно, чтобы вместо меня мыслил кто-то, не тождественный мне.

Следовательно:

(3) Концепция Льюиса неверна.

Тем не менее представленный в такой форме аргумент может оказаться слишком сильным. Требуется много – возможно, *слишком* много – труда для обоснования посылки (2). Однако можно попытаться сформулировать аргумент против Льюиса в более мягкой форме, отталкиваясь от его собственной мотивации согласовать философски интересное утверждение с банальной максимой здравого смысла о тождестве. Льюис утверждает, что, если бы он был поставлен перед выбором между тезисом о психологической непрерывности и связанности и тезисом о тождестве самому себе, то он *должен* был бы выбрать тезис о тождестве. Иначе, в соответствии со своим же собственным мнением, он имеет эпистемическое право придерживаться тезиса о психологической непрерывности и связанности только при условии, что этот тезис согласуется с банальностью здравого смысла. Далее, кажется, что Льюис полагает, что тезис о тождестве согласуется с тезисом о психологической непрерывности и связанности, только если мы примем четырехмерную онтологию человеческих личностей. Однако принятие четырехмерной онтологии человеческих личностей в данном контексте имеет смысл, только если с точки зрения здравого смысла сама эта онтология не является менее правдоподобной, чем отказ от тезиса о тождестве или тезиса о психологической непрерывности и связанности. Назовем это необходимым условием адекватности концепции Льюиса, которое мы можем сформулировать следующим образом:

Концепция Льюиса адекватна, только если с точки зрения здравого смысла принятие четырехмерной онтологии человеческих личностей не является менее правдоподобным, чем отказ от тезиса о тождестве или тезиса о психологической непрерывности и связанности.

Другими словами, примирение между тезисом о тождестве и тезисом о психологической связанности не должно быть куплено принятием какого-либо положения, принять которое, с точки зрения здравого смысла, было бы менее правдоподобным, чем отказаться от какого-либо из примиряемых тезисов. Таким образом, с точки зрения здравого смысла равновесие между принятием тезиса о том, что человеческие личности представляют собой четырехмерные агрегаты временных частей, и отказом от тезиса о тождестве или от тезиса о психологической непрерывности и связанности играет решающую роль в оценке адекватности льюисовского решения тождества личности.

Исходя из этой идеи, можно предложить следующий аргумент против Льюиса:

(1) Концепция Льюиса адекватна, только если принятие четырехмерной онтологии человеческих личностей не является менее правдоподобным, чем отказ либо от тезиса о тождестве, либо от тезиса о психологической непрерывности и связанности.

Однако:

(2) Принятие четырехмерной онтологии человеческих личностей менее правдоподобно, чем отказ либо от тезиса о тождестве, либо от тезиса о психологической непрерывности и связанности.

Следовательно:

(3) Концепция Льюиса неадекватна.

Теперь рассмотрим, насколько убедительна вторая посылка приведенного аргумента.

Четырехмерные личности и здравый смысл

Итак, вторая посылка вышеприведенного аргумента утверждает, что, принимая четырехмерную онтологию человеческих личностей, мы принимаем положение, которое с точки зрения здравого смысла менее правдоподобно, чем положения, которые мы были бы вынуждены принять, если бы мы отказались либо от тезиса о тождестве, либо от тезиса о психологической непрерывности и связанности. Вспомним, что тезис о тождестве понимается как утверждение, что в выживании важно именно тождество, не что-то другое. А под тезисом о психологической непрерывности и связанности имеется в виду, что в выживании важно сохранение отношения психологической непрерывности и связанности. Льюис утверждает, что в случае конфликта между этими двумя тезисами, т. е. невозможности принимать их оба, мы должны принять первый за счет второго. Однако этот конфликт, на который указывает Парфит, по мнению Льюиса, можно устранить, если принять четырехмерную онтологию человеческих личностей. То есть принять положение, что если личность-континуанта P существует и психически активна в t , то P делает это благодаря тому, что в t существует и психически активна нетождественная P личность-стадия p , которая является временной частью P . А также что одна единственная временная часть p может быть временной частью нетождественных личностей P и P' . Вопрос заключается в том, насколько, принимая данные положения, мы не платим более высокую цену, чем заплатили бы, отказавшись от одного из двух тезисов, которые Льюис считает необходимым спасти.

Рассмотрим следующую ситуацию. Предположим, что я или вы в определенный момент думаем о своем будущем, представляя себе, что с нами произойдет в некий будущий момент времени. Например, мы мыслим себя во время будущего отпуска или, наоборот, думаем о времени, когда нам снова придется вернуться на рабочее место. В исходный момент времени мы переживаем себя в определенном ментальном состоянии, s_1 , например, мы испытываем усталость, тогда как в будущий момент мы представляем себя переживающими некое другое ментальное состояние s_2 , например, в качестве такого состояния мы представляем себе приятную расслабленность. При этом кажется, что и у состояния усталости, и у состояния приятной расслабленности *один и тот же* переживающий субъект. Причем, с точки зрения здравого смысла, этот переживающий субъект является *непосредственным субъектом* каждого своего переживания, т. е. субъектом переживания является именно тот, кто непосредственно его переживает, а не кто-то другой, кто будет переживать это состояние вместо него в будущем. Однако очевидно, что как раз последнее и предлагает принять Льюис. Поскольку, с его точки

зрения, в каждый момент моего существования, т. е. той личности-континуанты, которая является тождественной мне, есть кто-то отличный от меня, личность-стадия, которая непосредственно переживает то, что я переживаю исключительно в силу того, что это переживает она. Более того, я, как личность-континуанта, не переживаю ни одного своего ментального состояния непосредственно, а только лишь в силу того, что они переживаются множеством отличных от меня личностей-стадий. Такой способ обладать тождеством во времени довольно сильно отличается от того, как мы привыкли мыслить свое тождество. Поэтому, на наш взгляд, предложение Льюиса касательно того, как можно примирить тождество и психологическую непрерывность и связанность с помощью четырехмерной онтологии человеческих личностей, довольно плохо сочетается с нашими обычными представлениями о том, что значит быть личностью в смысле субъекта ментальных состояний. Представляется, что оно нарушает принцип Мура и должно быть отвергнуто всеми, кто его разделяет, в том числе и самим Льюисом, в том случае, если я правильно интерпретировал его отношение к данному принципу.

Однако возможно, что на предыдущие рассуждения кто-то мог бы возразить следующим образом. Утверждение, что я как целое, т. е. личность-континуанта, мыслю в t посредством того, что в t мыслит моя личность-стадия, является, с точки зрения здравого смысла, не более необычным, чем утверждение, что я произвожу некое действие благодаря тому, что данное действие производит одна из моих частей². Например, вполне можно сказать, что пишу я, когда пишет *моя рука*. Насколько убедительна такая аналогия? На мой взгляд, данная аналогия неадекватна по той причине, что моя рука в данном случае не является непосредственным субъектом письма. Не она сама осуществляет действие, а я посредством руки и, скажем, авторучки, произвожу соответствующее действие. Другими словами, участие руки в процессе письма не исключает меня, а напротив, предполагает меня как личность, которая является непосредственным источником интенционального акта, в качестве первичного субъекта данного процесса. До известной степени моя рука пишет ненамного больше, чем это делает авторучка³. Ни та ни другая не способны писать в смысле осуществления интенционального акта письма без меня как субъекта данного действия. Противоположным образом дело обстоит с льюисовской личностью-стадией, которая представляет вполне самостоятельный субъект психических состояний, который совершенно не нуждается в существовании какой-то определенной личности-континуанты для того, чтобы обладать собственным тождеством.

² Данное возражение было предложено преподавателем кафедры онтологии и теории познания философского факультета ВГУ С. М. Ждановым на конференции, посвященной творчеству Д. Льюису, 16 сентября 2016. Автор выражает ему благодарность за данное возражение.

³ Это утверждение следует принимать, конечно, с известной оговоркой, поскольку моя рука находится ко мне в принципиально ином отношении, нежели авторучка, хотя бы потому, что последняя не является моей частью.

Наоборот, тождество личности-континуанты полностью зависит от специфических отношений между личностями-стадиями. Более того, всегда есть возможность того, что полностью определенная личность-стадия окажется не исключительно моей временной частью, поскольку она может входить не только в тот агрегат личностей-стадий, который является тождественным мне, но в какой-нибудь иной агрегат, который будет тождественным какой-то иной, отличной от меня личности-континуанте. Причем последнее никак не связано с внутренними характеристиками самой этой личности-стадии. Более того, личность-континуанта как таковая едва ли обладает какими-то интересными психологическими характеристиками, так как все ее свойства производны от соответствующих свойств личностей-стадий, из которых она состоит, так что до известной степени она каузально избыточна в качестве непосредственного субъекта ментального состояния или акта. Таким образом, едва ли можно говорить о том, что личность-континуанта переживает свои ментальные состояния посредством личностей-стадий в том смысле, в каком личность осуществляет свои действия посредством своих пространственных частей. Так как в последнем случае именно сама личность есть необходимый и непосредственный источник соответствующей активности, тогда как в первом случае личность-континуанта всего лишь производная, каузально избыточная сущность.

В заключение обратимся к вопросу о том, является ли отказ от тезиса о тождестве или тезиса о психологической непрерывности и связанности более значительными отступлениями от здравого смысла, чем принятие концепции четырехмерных человеческих личностей. Надо сказать, что ответить не так просто, как может показаться на первый взгляд, поскольку само понятие здравого смысла не настолько определенное, чтобы можно было использовать его в качестве однозначного критерия. Тем не менее представляется, что идея единственности субъекта ментальных состояний является базовым компонентом здравого смысла, более базовым, чем идея тождества или идея психологической непрерывности и связанности. Начнем с последней. Кажется, что отказ от нее в известном смысле вполне естествен при определенных условиях. Едва ли можно сказать, что такие случаи, как полная амнезия или полное вегетативное состояние, в которых предполагается нарушение психологической непрерывности и/или связанности между психологическими состояниями, с точки зрения здравого смысла можно однозначно расценить как полное прекращение *моего* существования. Да, некоторые теории тождества личности квалифицируют это именно так, но такая их оценка скорее является результатом последовательного применения их теоретических положений, а не апелляции к здравому смыслу. С точки зрения здравого смысла, истинность альтернативных им концепций тождества личности, например анимализма, который утверждает, что ни полная амнезия, ни вегетативное состояние никак не угрожают моему тождеству, едва ли менее правдоподобна, чем истинность концепций тождества личности,

ставящих во главу угла отношение психологической непрерывности и связанности. Из этого можно заключить, что отказ от философски интересного, по мнению Льюиса, тезиса о психологической непрерывности и связанности является менее болезненным для здравого смысла, чем отказ от тезиса о единственности психологического субъекта.

Обратимся теперь к тезису о тождестве. В целом, можно согласиться с мнением Льюиса о том, что то, что каждая вещь тождественна самой себе, принадлежит к числу банальностей здравого смысла, и довольно сложно сказать, каким именно образом можно было бы отказаться от этого положения. Но в то же время, как было показано выше, в случае вопроса о тождестве личности наше понятие тождества личности настолько тесно связано с понятием о единственности переживающего субъекта, что едва ли возможно решить проблему путем отказа от последнего. Поскольку отказ от представления о том, что именно я как целостная личность являюсь прямым и непосредственным субъектом собственных ментальных состояний, по существу будет отказом от возможности мыслить личности как продолжающиеся самоидентифицирующиеся во времени сущности. Поэтому в некотором смысле с точки зрения здравого смысла наше представление о единственности субъекта переживания лежит в основе нашего представления о самоидентификации всех вещей. Исходя из этих соображений, на наш взгляд, можно признать вторую посылку нашего аргумента достаточно обоснованной и, тем самым, сделать вывод о том, что те, кто признают принцип Мура, должны отвергнуть решение Льюиса как нарушающее данный принцип.

Подводя краткий итог, можно сказать, что предложенное Льюисом решение проблемы тождества личности, вопреки его собственному заявлению, нарушает принцип Мура, поскольку предполагает представление о переживающем субъекте, радикально отличное от того, которое предполагается нашими обыденными представлениями и феноменальным опытом. На наш взгляд, на этом основании было бы слишком сильным утверждать ложность позиции Льюиса или тем более говорить о противоречивости или абсурдности его позиции, как это, кажется, пытались делать Р. Чизолм [7] и Дж. Стоун [8]. Тем не менее следует сказать, что отказ от идеи, что именно я сам являюсь субъектом своих ментальных переживаний, а не переживаю их посредством отличных от меня временных частей, которые играют роль посредников между мной и моим феноменальным опытом, делают концепцию Льюиса гораздо менее правдоподобной, значительно ослабляя ее, несмотря на существование некоторых соображений, которые при прочих равных обстоятельствах говорили бы в ее поддержку. Однако отметим, что Льюис весьма верно указал на существенный недостаток в аргументации Парфита, в которой отношение тождества, являющееся отношением личности к самой себе, неправомерно сравнивается с отношением психологической непрерывности и связанности, представляющее собой отношение между различными состояниями *одной и той же* личности.

Литература

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. – Oxford : Clarendon Press, 1984. – 545 p.
2. Гаспаров И. Г. Парфит и нигилизм относительно тождества личности / И. Г. Гаспаров // *Analytica*. – 2007. – № 1. – С. 10–36.
3. Левин С. М. Сознание, организм и объективация личности / С. М. Левин // *Эпистемология и философия науки*. – 2013. – Т. 38, № 4. – С. 104–116.
4. Секацкая М. А. Пересадка мозга и тождество личности : альтернативная интерпретация одного мысленного эксперимента / М. А. Секацкая // *Эпистемология и философия науки*. – 2014. – Т. 42, № 4. – С. 67–76.
5. Lewis D. *Survival and Identity / Philosophical Papers*. Vol. I. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – С. 55–77.
6. Simons P. *Parts. A Study in Ontology*. – Oxford : Clarendon Press, 1987. – 390 p.
7. Chisholm R. M. *Person and Object : A Metaphysical Study*. La Salle, IL: Open Court. 1979. – 231 p.
8. Stone J. Persons are not made of temporal parts // *Analysis*. – 2007. – Vol. 67 (1). – С. 7–11.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Гаспаров И. Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки

E-mail: gasparov@mail.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

Gasparov I. G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Philosophy and Humanitarian Training Department

E-mail: gasparov@mail.ru